

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

VI

Издательство Академии Наук СССР
Москва • 1937 • Ленинград

А. и Е. ДРАГУНОВЫ

Дунганский язык

Под термином «дунганский язык» мы понимаем язык одной из многочисленных национальностей Советского Союза, так называемых дунган, потомков китайских мусульман, выходцев из провинций Ганьсу и Шэньси. Во второй половине прошлого столетия, после неудачного восстания, дунгане были оттеснены кита́йскими войсками на запад, и в 80-е годы часть их перешла границу б. царской России в районе Семиречья и там осела; в настоящее время дунганские поселения входят в состав Киргизской и Казахской АССР.¹

В основе дунганского языка лежат, как известно, китайские говоры провинций Ганьсу и Шэньси.² Эти говоры, к сожалению, еще только начинают изучаться, да и то пока лишь с фонетической стороны,³ и поэтому делать какие-либо выводы о том, в какой мере язык советских дунган совпадает с еспр. отличается от этих говоров, а вместе с тем и от языка дунган зарубежных, было бы сейчас несколько преждевременно, по крайней мере в отношении интонационных и грамматических особенностей. Единственное, с чем мы можем в настоящее время дунганский язык сопоставить, это с северным разговорным китайским языком, фонетическая и грамматическая структуры которого более или менее хорошо известны. Сопоставление этих двух языков очень поучительно, так как показывает нам, что расхождение между ними отнюдь не ограничивается областью словаря —

¹ Подробную библиографию о дунганах см. в книге «Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и среднеазиатских республик» Вознесенской и Пиотровского, гл. 23, №№ 2633—54. Ленинград. О дунганском новом алфавите см. статью А. Драгунова в журнале «Революция и письменность», 1932, № 1—2, стр. 33—37. М. ВЦК НА. О дунганском восстании см.: Л. Думан «Русская и иностранная литература (в том числе и китайская) о дунганском восстании 1861—77 гг.» Библиография Востока, т. 7, 1935 г.

² Центр ганьсуйского диалекта дунганского языка находится в сел. Александровка Киргизия), недалеко от г. Фрунзе, а Шэньсийского — в сел. Каракунуз (Казахстан) в нескольких километрах от г. Токмака.

³ См. Karlgren «Études sur la phonologie chinoise», pass.

наличием в дунганском языке большого числа тюркских, а после Октябрьской революции и русских словарных заимствований, — а идет гораздо глубже. Оно затрагивает и фонетическую и грамматическую систему этих языков и дает поэтому право рассматривать язык советских дунган не как один из диалектических вариантов языка китайского, а как самостоятельную лингвистическую величину, качественно от него отличную.

Как и всякий язык, дунганский язык в массе своей неоднороден и варьирует и диалектически и социально. Описание всех этих расхождений не входит в задачу настоящей статьи, и она поэтому в основном отражает особенности лишь того языка, который является теперь ведущим; по линии диалектической — это ганьсуйский диалект, на нем издается литература и ведется обучение, по линии же социальной — это язык дунганского актива, язык передовых колхозников, студенчества и культработников.

В нашей работе предшественников мы не имели, так как дунганский язык до сих пор научно не изучался. Не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающий анализ особенностей дунганской речи, настоящая статья ставит своей задачей в общих чертах осветить те моменты в фонетической и грамматической структуре дунганского языка, которые на данном этапе для него наиболее типичны, и тем самым положить начало его дальнейшему научному изучению.

Основой для настоящей статьи послужил материал, собранный во время наших поездок в Киргизию и в Казахстан в 1932 и 1933 гг. и дополненный в Ленинграде во время лингвистических занятий со студентами-дунганами Института Нацмен Советского Востока, главным образом с т. М. Шербой, уроженцем г. Фрунзе.

ТРАНСКРИПЦИЯ

В задачу настоящей статьи не входит детальное фонетическое описание дунганского языка, и мы поэтому пользуемся самой элементарной транскрипцией, требующей лишь немногих замечаний.

w и *u* передают закрытое resp. открытое *y*. В первом случае губы принимают щелеобразную форму (Spaltform), во втором округлую (Rillenform).

ǰ = *dž*; *z* = *dz*; *č* = *tš*; *c* = *ts*.

b, *d*, *g*, *ǰ*, *g* передают слабые глухие согласные.

p, *t*, *c*, *č*, *k* передают сильные глухие согласные с аспирацией.

ā передает очень открытое *o*.

Показатель " обозначает назализованное произношение предшествующего гласного. Напр., *fä*ⁿ.

Все китайские примеры приводятся в квадратных скобках, дунганские — без скобок.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

I

Основное, что характеризует фонетическую систему дунганского языка, это тенденция к развитию согласных за счет сокращения гласных. Аналогичная тенденция, судя по данным Karlgren'a, наблюдается также и в китайских диалектах провинций Ганьсу и Шэньси,¹ не достигая там, однако, той степени и не приводя пока к тем результатам, которые мы находим в дунганском языке.

Эта тенденция выражается в следующем:

1. Монофтонгизация дифтонгов, как-то: *ao* > открытое *o*, *ai* > *ε*,² *ou* > *u*, *an* > *ä*ⁿ,³ *aŋ* > *ä*ⁿ и т. д.

китайский	дунганский
[<i>mao</i>]	<i>mo</i>
[<i>lai</i>]	<i>lε</i>
[<i>dou</i>]	<i>du</i>
[<i>gan</i>]	<i>gä</i> ⁿ
[<i>fäŋ</i>]	<i>fä</i> ⁿ

2. Исчезновение *i* как первого элемента дифтонга или трифтонга. Если *i* начинало собою слог, то оно спирантизовалось в *j* с дальнейшей тенденцией к палатальному *ž'*; если же оно стояло после согласного, то палатализовало последний и с ним совпало, в результате чего мы имеем в дунганском языке серию согласных мягких *l'*, *d'*, *p'*, *š'*...; противостоящих согласным твердым *l*, *d*, *p*, *š*... чего, как известно, нет ни в одном из современных диалектов Китая.⁴

¹ Op. cit., pass.

² В *sandhi* и внутри слова произносится *εⁱ* (с легкой дифтонгизацией). Напр. *lεⁱ li*.

³ В *sandhi* дифтонгируется и легко ассимилируется с последующим согласным в форме *än*, *ät*, *al'* (назализованное палатальное *l'*) и т. п. Напр., *käl'li* < *käⁿli*.

⁴ Заметим, однако, что фонологически (не фонетически) дело идет не о противопоставлении согласных мягких — согласным твердым, а палатализованных слогофонем — непалатализованным. Будет ли палатализация выражаться при помощи *i* (как, например, в китайском языке), или же будет перенесена на согласный (как в дунганском), является уже делом фонологически второстепенным.

КИТ.	ДУНГ.
[iao]	jo
[iu]	ju
[dian]	d'ä ⁿ
[lie]	b'ε
[ciao]	č'o

Аналогичную картину мы имеем и в тех случаях, когда *i* представляет собою единственный гласный слогофонемы:¹

КИТ.	ДУНГ.
[i]	[ji]
[si]	[s'i]
[di]	[d'i] ²

Степень палатализации согласных различна, от легкой смягченности до настоящих палатальных передне-среднего ряда. Рефлексы старого *i* мы находим в вариантах произношения: *b'jo* рядом с *b'o*; *d'jāⁿ* рядом с *d'äⁿ*.

3. Исчезновение *и* как первого элемента дифтонга или трифтонга. Если *и* начинало собою слогофонему, то оно консонантизировалось в *v* (ср. *i > j*) Напр., *uai > vε*, *uo > vε*. Если же *и* стояло после согласного, то оно его лабиализовало, но притом в различной степени. В одних случаях мы находим полное исчезновение *и* и образование качественно новых согласных. Так, *š+и* дало *f*; *č+и* дало *pf*, *tf*ⁿ и даже *kf*; *ž+и* дало *bv*, *dv*. Напр.,

Кит.	Дунг.
[šuo]	fə
[čuān]	pfä ⁿ , tfä ⁿ , kfä ⁿ
[žuozy]	bvəzy, dvəzy

В других случаях процесс находится еще на полдороге, и, например, сочетание *d+и* произносится то как *di-* (с лабиализованным *d*), то как одно-двух-ударное *r*; наконец, в третьих, ограничивается пока лабиализованным произношением согласного при полном сохранении *и*. Напр., *chia*, *giäⁿ*.

¹ Дунганский язык, подобно китайскому, принадлежит к так называемым слоговым языкам, в которых фонологическая и морфологическая делимость не идёт дальше слога. Место нашей фонемы в дунганской фонологической системе занимает поэтому слогофонема.

² Ради упрощения, палатализация согласных перед *i* и *y* в дальнейшем отмечаться не будет, а должна подразумеваться.

В тех случаях, когда *и* являлось единственным гласным слогофонемы, оно сузилось в *w*, оказав на предшествующий согласный такое же влияние, как и *и* в виде первого элемента дифтонга. Напр.,

кит.	дунг.
[<i>šu</i>]	<i>fw</i>
[<i>gu</i>]	<i>gw</i> (ср. <i>gou</i> > <i>gu</i> , <i>dou</i> > <i>du</i>)
[<i>ču</i>]	<i>pfw</i> , <i>tfw</i> , <i>kfw</i>
[<i>u</i>]	<i>vw</i> (ср. <i>i</i> > <i>ji</i>)

4. Утрата звонкости узкими гласными *ы* (апикальное *ы*) и *w* в неудачном положении и тенденция их к полному исчезновению. Напр.:

šy'tu > *štu* 'камень'¹
sy'l'äⁿ > *sl'äⁿ* 'думать'
pfw'čī > *pfčī* 'выйти'
šy'l'u > *sl'u* 'гранат' (Фрукт).

Чаще всего это явление наблюдается там, где *ы* и *w* находятся между глухими или перед сонорными согласными (см. примеры), но нередко и в других случаях, в паузе и перед прочими согласными. Напр.: *тэ č(ы)* 'не ел', *š(ы) дуэ* 'прибирать'. Морфологическая неразложимость слова (с точки зрения современного дунганина) является также одним из факторов, способствующих исчезновению *ы*, см. выше *š(ы)l'u*, *š(ы)tu*, *s(ы)l'äⁿ* в наших примерах. В таких же случаях как *чы fäⁿ* 'есть' [*чы* 'есть' + *fäⁿ* 'лапша') или *šyli* 'стал мокрым', где не только прозрачен морфологический состав слова, но и сами-то морфемы *чы*, *шы* могут употребляться самостоятельно, в виде отдельных слов, эта тенденция проявляется пока в слабой степени, обычно лишь в быстрой, небрежной речи.

Отметим также произношение слов типа *fažy* 'щетка', *možy* 'шапка' (с суффиксом *-žy*) и слов типа *lofw* 'крыса', *sofw* 'метла', как *fas(ы)*, *mos(ы)*, *lof(w)* *sof(w)*, где мы находим не только глухое произношение, а иногда и отпадение гласных *ы* и *w*, но и потерю звонкости согласным *ž*. Хотя это явление зарегистрировано нами пока только в шэньсийском диалекте дунганского языка и притом только у детей и подростков, оно тем не менее симптоматично, так как отражает общую тенденцию дунганского к редукции гласных.

¹ Ударенный слог отмечается вертикальной чертой перед ним.

5. Исчезновение узкого гласного *i* в служебных морфемах — *ni*, *li* в неударенном положении. Напр.:

ni š'edin(i)ma mēdi? 'ты пишешь или нет?'
ni käl'l(i)ma mē kǎ? 'ты смотрел или нет?'
və xə cadin(i) 'я пью чай'.

В быстрой речи наблюдается также некоторая тенденция к редукции *i* в предлоге *gi*. Напр.: *g(i) və* 'мне', *g(i) ni* 'тебе', *g(i) ta > g(i) da* (с озвончением *t*) 'ему'.

Нельзя не подчеркнуть важности рассмотренной здесь тенденции, в особенности поскольку она приводит к образованию групп согласных в начале слога, спирантов и аффрикат в конце. Она не только меняет в корне структуру слогофонемы (двойные согласные в современных китайских диалектах неизвестны) и соответственно — звуковой облик языка, но, что еще важнее, таит в себе зародыш перехода от стадии слогофонемной к стадии звукофонемной. Здесь небезынтересно также отметить, что такую же тенденцию к развитию консонантизма и образованию групп согласных констатировал Mostaert в отношении монгольского языка провинции Ганьсу, т. е. как раз одной из тех провинций, выходцами из которых являются дунгане.¹

Развитие консонантизма за счет вокализма и в особенности тенденция к группам согласных объясняет нам также ту сравнительную легкость, с какой дунгане, в отличие от китайцев, усваивают чужеземное произношение. Это в свою очередь является одним из факторов, способствующих обильному проникновению в дунганский язык слов для новых понятий не путем перевода иноязычных терминов, а путем фонетического заимствования.

II

Подобно китайскому языку, дунганский язык характеризуется наличием тонов и динамического ударения. В отличие, однако, от китайского, где ударение является величиной самостоятельной, не зависящей от интонации,² в дунганском языке распределение ударения внутри слова, как правило, подчинено интонации, ею обусловлено, — факт в высшей степени

¹ См. ero «Le Dialecte Monguor parlé par les Mongols du Kansu Occidental». *Anthropos*, t. XXV, 1930.

² См. анализ ударения китайских composita в работе Karlgren'a «A Mandarin Phonetic Reader», 1918.

важный, так как отсюда один шаг к тому, чтобы интонационные различия были оттеснены на второй план и были бы заменены различиями в месте ударения.

Проиллюстрируем эту зависимость на разборе ударения дунганских числительных.¹⁾ Как известно, числительные 1—10 в китайском языке всегда произносятся с сильным ударением на первом слоге, т. е. на знаменательной морфеме, при отсутствии ударения на втором слоге, т. е. на суффиксе.

Напр.: '1' 'iǵə, '2' 'liǵǵə, '3' 'sǵǵə, '4' 'syǵǵə, '5' 'uǵǵə, '6' 'liǵǵə...

В дунганском же языке эти числительные с точки зрения распределения ударения распадаются на две группы: на числительные с сильным ударением на первом слоге и неударенным суффиксом (тип — —) и числительные с сильным ударением на втором слоге (т. е. на суффиксе) при неударенном (или же слабо ударенном) первом (тип — —).

тип — —	тип — —
2 'l'ǵn ³ gǵə	1 ji ¹ 'gǵə
4 'sy ⁴ gǵə	3 sǵn ¹ 'gǵə
5 'vǵ ³ gǵə	6 'l'u ¹ 'gǵə ²⁾
9 'ǵ'u ³ gǵə	7 cǵi ¹ 'gǵə
	8 ba ¹ 'gǵə
	10 sǵ(ǵ ²⁾ 'gǵ ³⁾

Как видно из этой таблички, распределение ударения всецело обусловлено тональностью. Если тон первого слога 3-й или 4-й, то ударение остается на нем, если же тон первого слога 1-й (2-й), то ударение падает на второй слог.⁴⁾ Особенно поразительно при этом то обстоятельство, что сильное ударение может с равным успехом падать как на знаменательную морфему, так и на суффикс. Последнее в китайском языке абсолютно

1) Тон слога мы обозначаем маленькими цифрами 1, 2, 3, 4, справа от слога, напр., ма³.

2) В китайском языке это слово произносится под 4-м тоном.

3) Вопрос о наличии в дунганском языке так называемого 2-го тона (xiǎnpíng по китайской терминологии) и о влиянии его на распределение ударения мы оставляем в этой статье открытым, чтобы не усложнять дела. Его цифровое обозначение мы берем поэтому в скобки. По этим же соображениям мы не касаемся здесь таких случаев, как, напр., ji²ǵǵⁿ «1000», где и первая и вторая морфемы принадлежат к первому тону.

4) Отметим, что ударенный слог в типе — — произносится сильнее чем ударенный слог в типе — —. При цифровом обозначении силы ударения первый тип можно было бы символизировать в виде 3—0, а второй тип в виде 0—2 или 1—2. На этом мы остановимся подробно в специальной работе, поскольку сейчас нам важно показать только зависимость ударения от тональности.

невозможно: суффиксы в нем характеризуются именно своей неударенностью.

Особенно эффектно различие в месте ударения проявляется при сравнении произношения числительных вроде 444 и 999 с 333 и 888.

В первом случае мы будем иметь тип — — | — — | — —

444 'sɯ⁴ bɯj | 'sɯ⁴ šɯ | 'sɯ⁴ gə

999 'ʒ'u³ bɯj | 'ʒ'u³ šɯ | 'ʒ'u³ gə

Во втором случае — тип — — | — — | — —

333 sän¹ 'bɯj | sän¹ 'šɯ | sän¹ 'gə

888 ba¹ 'bɯj | ba¹ 'šɯ | ba¹ 'gə

По тому же принципу ударение распределено и в других двухсложных словах.

тип — —

'mo⁴zɯ 'шапка'

'guə³zɯ 'яблоко'

'po³li 'побежал'

'š'ɛ³li 'написал'

'guə³fw 'яблоня'

'kän⁴ʒ'ä 'увидеть'

тип — —

fw¹ 'zɯ 'письмо'

do¹ 'zɯ 'нож'

fə¹ 'li 'сказал'¹

xə¹ 'li 'выпил'

sun¹ 'fw 'сосна'

tin¹ ʒ'äⁿ 'услышать'

Ту же картину зависимости распределения ударения от интонации мы находим в трех- и в четырехсложных словах. Покажем это на числительных:

Трехсложные числительные

Тип — — —

12 šɯ 'ər⁴ gə

14 šɯ 'sɯ⁴ gə

Тип — — —

20 'ər⁴ šɯgə

90 'ʒ'u³ šɯgə

Тип — — —²

11 šɯjɨ¹ 'gə

13 šɯsän¹ 'gə

70 čɨ¹ šɯ 'gə

80 ba¹ šɯ 'gə

¹ Под ударением это *i* произносится как очень закрытое *e*.

² По ритмическим причинам, чтобы избежать двух неударенных слогов в начале слова первый слог в этом типе часто получает побочное ударение.

Четырехсложные числительные

Тип — — — —	Тип — — — —
22 'ər ⁴ šy 'ər ⁴ gə	81 ba ¹ 'šy jɿ ¹ 'gə
24 'ər ⁴ šy 'sy ⁴ gə	83 ba ¹ 'šy sän ¹ 'gə
Тип — — — —	Тип — — — — ¹
21 'ər ⁴ šy jɿ ¹ 'gə	82 ba ¹ 'šy 'ər ⁴ gə
23 'ər ⁴ šy sän ¹ 'gə	84 ba ¹ 'šy 'sy ⁴ gə

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В отличие от китайского языка, грамматическая система дунганского языка характеризуется значительно большей степенью агглютинации и соответственно с этим значительно большей степенью оформленности грамматических категорий. В этом отношении особый интерес как с точки зрения тех процессов, которые происходят сейчас в дунганском языке, так и с точки зрения расхождений между дунганской и китайской грамматическими системами, представляет вопрос о связке, суффиксе *-хын* и глагольном оформлении. На этом мы в настоящей статье и остановимся.

I

Суффикс *-sy*

В китайском языке, как известно, предложения с именным сказуемым типа 'этот человек рабочий' выражаются при помощи связки [*šy*], диалектически [*sy*]. Говорят [*ʒəgə ʒən šy ɪgə guŋʒən*] 'этот человек есть рабочий'. В дунганском языке, в отличие от китайского, связки, как отдельного слова, уже не существует, функции ее перенесены на предикативную паузу, а сама она превратилась в своего рода агглютинированный суффикс, примыкающий непосредственно к предшествующему слову, которое может и не быть подлежащим предложения. Говорят *ʒəgə ʒynsy || kwɥä*ⁿ 'этот человек (есть) || рабочий', *ʒəgə ʒyn || busy kwɥä*ⁿ 'этот человек || не-(есть) рабочий'.

Как и всякий суффикс, это *-sy* немислимо без предшествующего ему слова. На вопрос *syj ko tynɗini?* resp. [*šui kiao tən?*] китаец может

¹ По ритмическим причинам, чтобы избежать столкновения двух сильно ударенных слогов, ударение второго слога иногда ослабляется, а первый слог получает побочное ударение.

ответить [*šy wo*] 'есть я' или [*šy ta*] 'есть он', дунганин же, в языке которого *-sy* не является отдельным словом, ответить *sy və* или *sy ta* не может и должен сказать просто *və* 'я', *ta* 'он', — факт очень важный, так как представляет собою одно из проявлений присущей дунганскому языку тенденции к полной бессвязочной предикативности. Как и все другие дунганские суффиксы, это *-sy*, далее, может быть ударено геср. неударено в зависимости от тона слова, к которому оно примыкает. Так, в предложении *žəgə 'masy || vədi* 'эта лошадь есть || моя' суффикс *-sy* неударен, поскольку слово *ma* произносится под третьим тоном, и следовательно *masy* в целом идет по типу — —, в предложении же *žəgə¹ fw'sy || vədi* 'эта книга моя' суффикс имеет на себе сильное ударение, поскольку слово *fw* произносится под первым тоном, и *fw'sy* в целом идет по типу — —.

Генетически восходя к связке, суффикс *-sy* утрачивает, если не утратил уже свое копулятивное значение. Это доказывается тем в высшей степени интересным обстоятельством, что в отрицательных предложениях² суффикс *-sy* может стоять одновременно и после отрицания (что обязательно) и после подлежащего (что факультативно). Рядом с *žəgə žyn || busy kwxäⁿ* 'этот человек || не-(есть) рабочий' можно услышать с тем же значением *žəgə žynsy || busy kwxäⁿ*.

В китайском языке конструкция подобного рода в этом значении была бы невозможна. С другой ритмической группировкой морфем [*žəgə žən šy-bi-šy giŋžən?*] она выражала бы вопрос 'не рабочий ли он?', что в свою очередь по-дунгански выражается при помощи специальной вопросительной морфемы *-ta*. Говорят: *žəgə žynsy || kwxän-ta, busy kwxäⁿ?* 'этот человек (есть) рабочий ли, не есть рабочий?'

Одновременное употребление суффикса *-sy* и при субъекте, и при отрицании ограничено или, вернее, обусловлено теми случаями, когда подлежащим является существительное. При подлежащем-местоимении оно невозможно. Говорят только *ta busy kwxäⁿ* 'он не (есть) рабочий', но никак не *tasy busy kwxäⁿ*.

¹ В отличие от китайского языка, в дунганском языке (по крайней мере в языке молодого поколения) уже перестают различаться «классы» существительных и поэтому счетные и детерминативные слова обычно оформляются на суффикс *-gə*. Говорят *žəgə fw*, «эта книга», *žəgə bvəgy* «этот стол», *žəgə gi* «эта собака». Ср. с этим китайские [*žəbən šu; žəžan žuozы; žətiaō gōu*].

² А также и в предложениях с другими наречными словами, стоящими между подлежащим и сказуемым.

Основную роль в этом играет, повидимому, то обстоятельство, что суффикс *-sy* не только утрачивает свое копулятивное значение, но имеет еще некоторую тенденцию к взаимному смешению с распространеннейшим суффиксом существительных *-zy*, никакого копулятивного значения не имеющим и у местоимений невозможным. Это видно как из того, что предложения типа *žəgə kwezyzy || vədi* произносятся обычно или *žəgə kwezyzy || vədi* или же в виде *žəgə kwezy || vədi*,¹ так и из того, что вместо напр., *žəgə žynzy || kwǎn* можно иногда услышать и *žəgə žynzy || kwǎn*, с озвонченным суффиксом. Немаловажное значение имеет также и различное место предикативной паузы при подлежащем-существительном и при подлежащем-местоимении. В первом случае пауза находится перед отрицанием, во втором же случае — после него, и подлежащее-местоимение составляет, следовательно, с отрицанием одно фонетическое целое. Можно сказать *ta || busy jesyn* 'лошадь || не (есть) дикое животное' но только *ta busy || kwǎn* и отнюдь не *ta || busy kwǎn*.

Все вышесказанное относится и к тем случаям, когда именное сказуемое выражает не тождество предиката с субъектом, а качество последнего, с тем, однако отличием, что в случаях этого рода суффикс *-sy* может быть после подлежащего вовсе опущен.

Говорят *žəgə fwfǎn || xo fwfǎn* 'эта школа || хорошая школа' равно как *žəgə fwfǎnsy || xo fwfǎn* 'эта школа (есть) || хорошая школа' или же, в отрицательных предложениях, *žəgə fwfǎn || busy xo fwfǎn* 'эта школа || не (есть) хорошая школа', равно как *žəgə fwfǎnsy || busy xo fwfǎn* 'эта школа (есть) || не (есть) хорошая школа'.

II

Суффикс *-xyn*

Одним из наиболее обычных слов, выражающих степень интенсивности того или иного признака, является в китайском языке слово [*xən*] 'очень, весьма', функционирующее и в виде атрибута [*xən gaodi šan*] 'очень высокая гора' и в виде предиката [*šan gaodi xən*] 'гора высока очень = гора очень высока'.

В отличие от китайского, в дунганском языке самостоятельность этого слова утрачена, и оно, подобно связке, превратилось в суффикс.

¹ Ср. с этим полное исчезновение суффикса *-sy* в предложениях типа *žəsy sa?* «это (есть) что?», произносящихся обычно как *žəsa?*

Это видно из того, что, как и любой суффикс, *-хын* неотделимо от того прилагательного, к которому оно примыкает, и тем более не может стоять перед ним. В дунганском языке неупотребительны, следовательно, такие обычные для китайского языка атрибутивные конструкции, как [*хэн гаоди, хэн деди*], а допустимы лишь конструкции типа *godixyn, dadixyn*.

В связи с утерей самостоятельности изменилось в дунганском языке и значение *-хын*. В противоположность китайскому языку, где наречие [*хэн*] в конструкции типа [*деди хэн*] в полной мере сохраняет свое интенсивное значение,¹ дунганский суффикс *-хын* это значение утрачивает (вернее, почти, утратил) и в настоящее время может рассматриваться как морфологический показатель предикативно выраженного постоянного признака предмета, предикативного прилагательного. Формы на *-хын* — *godixyn, lyndixyn* — не столько уже значат сейчас «очень высокий», «очень холодный», сколько просто «высокий», «холодный». Поэтому в тех случаях, когда степень интенсивности признака необходимо специально подчеркнуть, наличия одного только суффикса *-хын* оказывается недостаточно, и к формам на *-хын* в виде атрибута добавляется наречие *те*, в свою очередь снизившее свое значение с 'крайне' на 'очень'. Говорят *те godixyn* 'очень высокий', *те lyndixyn* 'очень холодный'.

Утрата суффиксом *-хын* интенсивного значения подтверждается также тем интересным обстоятельством, что прилагательные, оформленные на этот суффикс, употребляются прежде всего там, где дело идет не просто о постоянном признаке предмета, но о признаке для данного предмета специфичном, для него характерном, и где, следовательно, интенсивность признака именно в силу своего постоянства и неотделимости от предмета уже перестала ощущаться как таковая. Оформление на *-хын* является поэтому излюбленным способом для передачи по-дунгански таких тавтологий как 'соль соленая' или 'сахар сладкий'. Говорят:

<i>jäⁿ xändixyn</i>	'соль соленая'
<i>täⁿ t'ändixyn</i>	'сахар сладкий'
<i>dunni lyndixyn</i>	'зимой холодно'
<i>tadi šu č'ändixyn</i>	'его руки длинные'. ²

¹ О грамматической роли слова [*хэн*] в китайском языке и об утрате этим словом в конструкциях типа [*шан хэн гао*] «гора (очень) высока» интенсивного значения, см. нашу статью «Грамматические категории в китайском языке». (В печати.)

² В переносном смысле употребляется в значении «он драчун, забияка».

Сюда же относится употребление суффикса *-хын* и в таких случаях, как *то нэ дэ лорфвдихын* 'кошка любит ловить мышей' или *та нэ ёы жәндихын* 'он любит курить', поскольку в предложениях этого типа дело идет не столько о действии как таковом, сколько опять-таки о постоянно свойственном данному предмету признаке, о признаке, для него характерном. В случае необходимости интенсивность признака подчеркнуть, здесь также добавляется наречие *тэ*. Говорят *та тэ нэ ёы жәндихын* 'он очень любит курить'.

Несколько сложнее обстоит дело в тех случаях, когда речь идет о признаке хотя и постоянном, но не характерном для данного предмета, вроде 'карандаш короткий'. Поскольку предложения этого типа по-дунгански передаются обычно конструкцией типа *žəgə gerän(sy) duäⁿ geräⁿ* 'этот карандаш (есть) короткий карандаш', постольку форма на *-хын* [*geräⁿ duändixын*] не лишена еще некоторой доли интенсивности, правда очень слабой и почти исчезающей. Последнее подтверждается тем, что в случае необходимости интенсивность признака подчеркнуть, опять-таки наличия одного *-хын* оказывается недостаточно, и добавляется наречие *тэ*. Говорят *geräⁿ тэ duändixын* 'карандаш очень короток'.

III

ОФОРМЛЕНИЕ ГЛАГОЛА (ПРЕДИКАТИВА)

В дунганском языке, как и в китайском, в основе значения категории глагола (предикатива) лежит не идея действия или процесса, а идея изменчивости, переменности признака.¹ В отличие, однако, от китайского языка, где эта идея может создаваться вещественным значением словосочетания,² видо-временными показателями³ и, наконец, путем явного или подразумеваемого противопоставления двух признаков,⁴ в дунганском языке одного только вещественного значения словосочетания оказывается уже недостаточно для выражения этой идеи, и поэтому там, где глагол (предикатив) является единственным или последним сказуемым во фразе,⁵ он

¹ Подробности об этой грамматической категории см. в нашей статье, цитированной выше.

² Тип [*ta zou*] 'он идет' или [*tianki ləŋ*] 'погода холодна'.

³ Напр. [*ta laila*] 'он пришел', [*tianki ləŋla*] 'погода стала холодной'.

⁴ Типы [*žuozy da, isy siao*] 'стол велик, а стул мал' или [*šan xən gao*] 'гора (очень) высока'.

⁵ Под фразой мы, вслед за Пешковским, «Русский синтаксис», 3-е изд., понимаем всякий отрезок речи от одной разделительной паузы до другой, независимо от того, из скольких предложений он состоит.

должен быть обязательно оформлен тем или иным видо-временным показателем.¹ Напр.:

a) <i>ta zu-dini</i>	‘он идет’
<i>ta ju č'an-ni</i>	‘он имеет деньги’
<i>ve tɛxa-li</i>	‘я купил’

б) *vava čy jaⁿ, daida kǎnz'ǎⁿ, zu da-ni* ‘(если) мальчик курит (и) отец увидит, то побьет’.

žəgə vava ba čububu dɛxǎⁿ, čububu syd'o-li ‘этот мальчик поймал удода, (а) удод сдох’.

В отличие от китайского языка, по-дунгански нельзя, следовательно, сказать в виде законченной фразы *ta zu* ‘он идет’, а можно сказать лишь *ta zu-dini*, нельзя сказать просто *və ju č'ǎⁿ* ‘я имею деньги’, а можно сказать лишь *və ju č'an-ni* и т. д. Аналогично обстоит дело и с глаголами со словарным значением качества, вроде *da* ‘быть большим’ или *žə* ‘быть горячим’, с тем, однако, отличием, что там, где налицо имеется явное или подразумеваемое противопоставление или сравнение двух признаков, оформление при помощи суффиксов в глаголах этого типа может и отсутствовать, поскольку характерная для дунганского (и китайского) предикатива идея переменности, непостоянства признака находит себе в этих случаях (что, впрочем, имеет место и в китайском) достаточно четкое выражение в самом факте противопоставления как таковом.

Можно сказать без всякого оформления *žəgə xwǎlwzɣy l'ǎⁿ, nəgə žə* ‘эта печка холодная, а та горячая’ или *xwǎlwzɣy žə bu žə?* — *xwǎlwzɣy žə*. ‘печка горячая или нет?’ — ‘печка горячая’, поскольку в обоих этих случаях имеет место сравнение двух признаков. Взятое же само по себе, вне сравнения с чем-то другим, словосочетание *xwǎlwzɣy žə* оставляет ощущение чего-то незаконченного, явно противоречит языковому чутью говорящих и требует обязательного оформления на тот или иной суффикс. Предложение *xwǎlwzɣy žə-dini*, ‘печка горячая’ (в данный момент), представляет собою такое же законченное целое, как *və zu-dini* ‘я иду’ или *ta š'e-dini* ‘он пишет’.

¹ Во избежание недоразумения укажем, что дунганский глагол может быть оформлен не только при помощи суффиксов (*li, ni, dini, guə, di*, включая сюда и нулевой суффикс, специфичный для императива), но также и при помощи отрицаний с видо-временным значением: *bu, tə, bə*. Предложение *ta bu xə ž'u* «он не пьет (не имеет этой привычки) и не будет пить» представляет в дунганском языке такое же законченное целое, что и *ta xə ž'u-ni* ‘он пьет (имеет это обыкновение) и будет пить в будущем’.

В силу своей обязательной оформленности, дунганские переходные глаголы гораздо менее нуждаются в «пустых» объектах, чем глаголы китайские. По-китайски говорят [*wo њы fan*] 'я ем еду' или [*wo sie зы*] 'я пишу буквы', поскольку сказать просто [*wo њы*] или [*wo sie*] далеко не всегда возможно; по-дунгански же, в силу морфологической оформленности глагола, особой необходимости в «пустом» объекте нет, и поэтому рядом с *вə њы fändini* или *вə š'є зыdini* можно сказать и просто *вə њыdini* и *вə š'єdini*.

С обязательной оформленностью дунганского глагола связан также важный синтаксический вопрос о месте прямого дополнения. В дунганском языке, как и в китайском, прямое дополнение может только тогда стоять перед глаголом, когда последний оформлен.¹ Поскольку, однако, дунганский глагол оформляется гораздо чаще, чем глагол китайский, постольку в дунганском языке создается гораздо ббольшая возможность для постановки прямого дополнения перед сказуемым, и поэтому то, что в китайском языке является своего рода «исключениями», в дунганском языке становится уже нормой.

¹ Оформление в этих случаях может итти как по линии видо-временных показателей типа кит. [*la*] дунг. *li*, так и по линии перфективности типа *kä*ⁿ 'смотреть' ∞ *känž'ä*ⁿ 'увидеть'.